Книги Риз Боуэн — настоящий подарок для тех, кто ценит великолепные истории.

Риз Боуэн

Сад мертвых душ

Это идеальное место, чтобы провести выходные. Если вы любите туманы, руины и скелеты.

18+

Кофе, плед, убийство

Риз Боуэн

Сад мертвых душ

«Азбука»
2024

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Боуэн Р.

Сад мертвых душ / Р. Боуэн — «Азбука», 2024 — (Кофе, плед, убийство)

ISBN 978-5-389-35084-7

Лондонская журналистка Лиз Хоутон в 1968 году расследует исчезновение крошки Люси – и натыкается на забытое дело о пропаже трех девочек, которых должны были эвакуировать в сельскую местность в годы Второй мировой войны. Единственная ниточка приводит ее в заброшенную усадьбу, принадлежавшую роду Беннингтон, на чьих землях сохраняются остатки разрушенной военными деревни Тайдхем. Там, кажется, и спрятан ключ к разгадке! Но чем глубже копает Лиз, тем больше запутывается в уликах. Ясно одно: в ее прошлом тоже есть тайна. В поисках следов, которые могут привести к пропавшей девочке, Лиз невольно погружается в собственные детские воспоминания. Но она должна торопиться, ведь шансов спасти Люси остается все меньше… В новом романе мастера исторического детектива Риз Боуэн тайны прошлого и настоящего сплетаются, образуя причудливый узор. Захватывающий сюжет в атмосфере Англии 60-х годов XX века, когда еще помнится эхо не столь уж давней войны, приправлен доброй щепоткой романтики.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-35084-7

© Боуэн Р., 2024
© Азбука, 2024

Содержание

Пролог 7
Глава первая 12
Глава вторая 18
Глава третья 21
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Риз Боуэн
Сад мертвых душ

Эта книга посвящается Лизе Бракман, главной стражнице порядка и здравомыслия в моей жизни.
И Марисе Янг, которая сделала самую высокую ставку на благотворительном аукционе и подарила свое имя одной из моих героинь

Серия «Кофе, плед, убийство»

Rhys Bowen
THE ROSE ARBOR Copyright
© Janet Quin-Harkin, writing as Rhys Bowen, 2024 All rights reserved

Печатается с разрешения *Amazon Publishing, www.apub.com*.
Издательство выражает благодарность литературному агентству *Synopsis Literary Agency* за содействие в приобретении прав

Перевод с английского Александры Самариной

© А. И. Самарина, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026 Издательство Иностранка®

Пролог

Тайдхем, Дорсет, Англия, сентябрь 1943

Никого ни о чем не предупредили заранее – разве что за три недели до страшных событий, в непогожий, ветреный день, в деревню наведался армейский автомобиль. Что само по себе было странно, потому что в Тайдхеме даже нормальной дороги не было – только неширокая грунтовка, которую размыло дождем. И вела она в опустевшую, ни единой лодки, крошечную гавань – из-за войны промышлять рыболовством у этих берегов было опасно. Армейский грузовик проехал по единственной улице мимо церкви, школы, паба и ряда домиков и остановился в конце деревни, у старой, давно заросшей железной дороги и ступенек, ведущих в гавань. Офицер в нарядной фуражке спрыгнул на землю, огляделся, и Мэри Нортон, которая в эти минуты спешила снять белье с веревки, пока не начался дождь, услышала, как он заключил: «Пожалуй, сойдет. Хорошо, что исторической ценности тут не сыщешь».

Мэри не потрудилась передать этот разговор односельчанам, иначе те лучше подготовились бы к тому дню, когда к домику, где располагалась деревенская почта – а заодно и магазин, – подъехал, рассекая лужи, почтовый фургон. Миссис Дженкинс, начальница почты и владелица магазина, окинула взглядом кипу писем без марок.

– Снова власти нас макулатурой заваливают, – пожаловалась она Фреду Хаммонду, водителю. – Интересно, что в этот раз стряслось?

– Наверное, опять хотят нам сахарный паек урезать, – предположил он. – Или мясной. Хотя вам-то что об этом переживать – у вас тут и куры, и свиньи.

– Да уж, как-нибудь справимся, – согласилась миссис Дженкинс. – Хотя вот крысы повадились красть у нас яйца, паразиты эдакие.

– А у него-то, поди, дела лучше всех, – подметил водитель и кивнул на дом чуть поодаль по улице. – Дом вон какой огромный. Коров еще держит?

– Уже давно нет, – ответила миссис Дженкинс. – Их власти забрали. Сейчас он не сильно богаче нас. Пара свиней, куры – вот и все хозяйство. Правда, в саду овощей с фруктами побольше, чем у остальных, но он с нами великодушно делится.

– Ну еще бы, вы же вроде как его арендаторы, верно? Каждый месяц денег ему отстегиваете, чтобы тут жить.

– Можно и так сказать, – согласилась миссис Дженкинс, разглаживая фартук. – Ладно, пойду растормошу Неда! Хватит ему лениться, пора почту разносить.

* * *

Оказалось, что письма вовсе не о сахарном пайке. Вот что в них было написано:

Всем жителям Тайдхема. Сообщаем вам о том, что военным силам Его Величества для укрепления своих позиций требуется ваша деревня. На этой территории планируются учения, которые начнутся 8 октября 1943 года. В течение двух недель вы должны собраться и освободить деревню.

Все совершеннолетние жители Тайдхема обязаны явиться в здание деревенской администрации 24 сентября, в 8 часов вечера. Там можно будет получить дальнейшие разъяснения и задать вопросы.

– Черт побери, они там все с ума посходили, что ли? – проворчал Эд Дженкинс, когда жена показала ему письмо. – Людей из родных домов выгоняют! А ведь тут семьи живут поколениями!

– Это все ради нашей армии, Эд, – напомнила миссис Дженкинс. Она пыталась храбриться, хотя новость огорчила ее ничуть не меньше, чем мужа. – Нас должны куда-нибудь переселить, так ведь? Не могут же нас просто выставить на улицу?

Эд пожал плечами.

– Я слышал, что с жителями разбомбленных домов так и поступают. Ох, ваш дом сровняли с землей! Какая досада. А у вас, часом, нет родственников? Может, они вас приютят?

– Кстати, можно поехать к моей сестре в Дорчестер, – предложила миссис Дженкинс. – У них как раз одна спальня пустует, ведь юный Джек… – Она не стала заканчивать свою мысль. Юный Джек не так давно утонул вместе со своим кораблем.

– Нас обязаны переселить, – отчеканил Эд. – Но что будет с моим огородом? Еще и половина урожая не созрела! А лук с картошкой! Зря я их, что ли, сажал? – Он решительно поднялся с места. – Надо поговорить с мистером Беннингтоном. Если кто и способен приструнить этих солдафонов, то только он.

Он схватил куртку, торопливо надел шляпу, вышел на улицу, прошел мимо церкви и поковылял по узкой тропе к «большому дому», как его называли все местные. На самом же деле он назывался Тайдхем-Грейндж и представлял собой изящный каменный особняк, стоявший на обширном участке земли. До войны вся растительность тут была аккуратно подстрижена, теперь же лужайка, на которой прежде играли в крикет, превратилась в небольшой огород. В маленьком парке, разбитом за домом, теперь паслись овцы, а за конюшней оборудовали свинарник. Мистер Беннингтон собственной персоной вышел из одного из сараев с вилами в руках.

– Письмо прочли? – крикнул ему Эд.

– Увы, прочел. И даже поговорил с Лондоном по телефону. Кажется, выбора у нас нет, Эд. Армии нужно где-то отрабатывать тактику на случай вторжения, и наша деревня им подходит как нельзя лучше. Заходите, выпьем чаю.

Эд вошел следом за мистером Беннингтоном в просторный холл поместья, выложенный плитняком. На кухне, расположенной в задней части дома, было тепло благодаря дровяной печи, которая пришла на смену газовому отоплению. На хозяйских землях еще хватало упавших деревьев. Мистер Беннингтон поставил чайник.

– Присаживайтесь.

Эд опустился за круглый кухонный стол.

– Про компенсацию, конечно, ничего не сказали?

– Пока нет, – ответил мистер Беннингтон, доставая чайницу в виде индийского храма. Несколько поколений его семьи имели связи с Индией, а сам он в юности служил в уланском полку Бенгальской армии.

– Вам-то они должны хоть что-нибудь возместить, ей-богу! Вы ведь хозяин деревни! Что вам теперь, в муниципальный дом переезжать? Они этого ждут?

Мистер Беннингтон пожал плечами.

– Надеюсь, после войны мы сможем вернуться, если деревня не сильно пострадает. Нам выделят средства, и мы все тут наладим и починим.

– Это в случае победы, – сухо уточнил Эд, принимая кружку с чаем из рук хозяина.

– Думается, мы уже переломили ситуацию в свою пользу. Вряд ли армия стала бы отрабатывать тактику вторжения, если б не было надежды перебраться через Ла-Манш. К тому же вспомните, какого успеха мы достигли в Северной Африке! Египет, Мальта, Сицилия, теперь

еще и Италия. А как сработали наши «Разрушители дамб»[1]! Выше всяких похвал. Встряхнули Гитлера по первое число.

– А что ваша супруга обо всем этом говорит? – спросил Эд.

Мистер Беннингтон взглянул на гостя с тревогой.

– Она пока ничего не знает. Повезла мальца Джеймса в Шебурн, школу смотреть. Пора его куда-нибудь записать. Сам я в Марлборо учился, устроить его туда легче легкого, но Амелия не хочет, чтобы он уезжал так далеко от дома, – она вообще против того, чтобы отдавать его в пансион. С началом войны у нее волнений прибавилось. Особенно после того, как Саймон… – мистер Беннингтон осекся, пытаясь совладать с чувствами, и продолжил после паузы: – Она и в лучшие-то времена не была сильнейшей из женщин. Боюсь, эта новость очень ее встревожит. Она очень любит свой дом.

– Да мы все встревожены, – подметил Эд. – Тут почти все семьи не одну сотню лет живут, так? Целые поколения возделывали ваши земли и ловили рыбу. Только директриса школьная и викарий чужаки и у нас не живут, верно я говорю?

Мистер Беннингтон вздохнул.

– Нам еще грех жаловаться, а вот бедолагам, которые сейчас в Бирме или на побережьях Италии, особо не позавидуешь.

Эд кивнул.

– Ваша правда. Словами не передать, как я радовался, когда мне сказали, что я для службы слишком стар.

– Меня тоже не взяли, – поделился мистер Беннингтон. – Из-за ревматической лихорадки, которую я в Индии схватил. Она дала осложнения на сердце. Врачи советуют жить себе спокойненько, не нагружаться, но что делать – приходится вот свинарники чистить, пропалывать грядки, собирать яблоки – потому что вся молодежь на войне.

Эд допил чай, смакуя сахар, собравшийся на дне кружки. В те дни тот был на вес золота, и Бетти разрешала ему класть в чай лишь одну маленькую ложечку.

– Что ж, сэр, я, пожалуй, пойду, – сказал Эд, поднявшись из-за стола. – Очень жаль, что и вы лишитесь любимого гнездышка. Но, сразу предупрежу, я на собрании молчать не буду – выскажу этим солдафонам все, что думаю! Мы без боя не сдадимся!

Чарльз Беннингтон проводил гостя взглядом и покачал головой.

– Да тут бейся, не бейся – все равно не победишь, – задумчиво пробормотал он себе под нос.

* * *

В тот вечер боевой настрой Эда разделяли и посетители паба «Золотая лань».

– Сначала у нас забрали виски, потом стали пиво водой разбавлять, а теперь еще и из домов выгоняют! – возмущался Берт Тэтчер, гневно саданув кружкой по барной стойке. – Ух мы им и устроим на собрании! Скажем, что никуда отсюда не уедем! Пусть проводят эти свои учения в другом месте! Я из своего дома выселяться не буду, и точка!

– Да, так им и скажи, Берт! – подхватил Том Пирс, хозяин деревенского паба, с улыбкой покачав головой. – Если армия к кому из нас и прислушается, то только к тебе!

Берт был широкоплечим здоровяком, футов шесть[2] ростом, а то и больше. В свои сорок восемь он попытался уйти на фронт добровольцем, но его не взяли – дескать, староват. Зато работником он был незаменимым.

---

[1] Имеется в виду операция «Частайз» – успешный авиаудар 617-й эскадрильи Королевских ВВС по немецким плотинам, выполненный 16 мая 1943 года и спровоцировавший затопление Рурской долины. – *Здесь и далее прим. перев.*

[2] Примерно 183 см.

* * *

Маленькое здание администрации притулилось за церковью, у южной оконечности улицы. Чтобы попасть в него, требовалось пересечь кладбище, пройти мимо давно позабытых селянами могил, где упокоилось не одно поколение предков. Вечером двадцать четвертого сентября Эд Дженкинс, идущий с женой на собрание, вдруг остановился среди надгробий.

– Эд, пойдем! А то в последнем ряду сидеть будем! – Бетти потянула его за рукав.

– Я вот думаю: а не потревожат ли они моих бедных отца и матушку, – сказал Эд, глядя на надгробие. – И дедушку с бабушкой. Так не хочется, чтобы их покой нарушали.

– Ну, им уже точно хуже не будет, так? – Бетти всегда отличалась поразительной прагматичностью. – Я вот больше за нас волнуюсь.

Зал в здании администрации был забит до отказа. Пришли не только совершеннолетние жители деревни: семейные пары взяли с собой ребятишек, мужчины – собак. В комнате стояли густой сигаретный дым и гул недовольных голосов. Беннингтоны устроились в самом первом ряду. На мистере Беннингтоне были свободные брюки и пиджак, а его супруга надела нарядную шляпку и перчатки из козьей кожи – как и подобает случаю. Шестилетний сын Беннингтонов, Джеймс, сидел рядом, посматривал на разгневанные и встревоженные лица односельчан, гадая, в чем же дело. С тех пор, как погиб его старший брат, служивший в Королевских ВВС, мама совсем перестала радоваться. А теперь и у всех остальных такой же понурый вид.

Викарий, совсем еще не старый мужчина, вошел в боковую дверь и остановился в сторонке, беспомощно оглядывая паству.

– Не прочтете парочку молитв, а, викарий? – спросил Том Пирс, заметив его. – Вдруг поможет, как думаете? – Том был известным атеистом, и его слова ничем, кроме издевки, не являлись, но викарий серьезно покачал головой.

– В этой войне на одни молитвы полагаться не приходится, Том. Боюсь, нам всем придется смириться с тем, что происходит, и довериться Богу – таков уж Его промысел, и Он знает, как нам лучше.

– Вам хорошо говорить, – хмыкнув, проворчал Берт Тэтчер. – Вы ведь тут не живете.

Викарий задумчиво кивнул. В его ведении были две крохотные церквушки, разделенные десятью милями, и жил он при дальней.

– И все же я очень полюбил вашу деревню и ее жителей. Мне горько с вами расставаться.

– Столько мужчин на фронт забрали, – сетовала сидящая за четой Беннингтонов Джоан Ли, миниатюрная женщина лет сорока с небольшим, которая, несмотря на свою комплекцию, родила на свет двух сыновей-здоровяков. – И мальчиков моих, поди, не сегодня, так завтра призовут. А они, глупые, просто ждут не дождутся! Правду я говорю? – спросила она у сидевшего рядом с ней широкоплечего парнишки, предварительно ткнув его локтем. Тот лишь смущенно улыбнулся. Джоан повернулась к Эми Пирс, чей сын, худой и нескладный, увлеченно вертел в руках головоломку – лабиринт внутри маленького стеклянного куба, по которому катился крохотный шарик. – Повезло тебе, что твоему Фредди бояться нечего.

Эми вздохнула.

– Твоя правда. Вот и впрямь повезло. – Она хотела еще что-то добавить, но тут в зал зашли два армейских офицера. Все мигом стихли. Офицеры вышли на крохотную сцену и оглядели толпу.

– Что ж, – начал один из офицеров. По выражению его лица не трудно было догадаться, что грядущие несколько минут и ему самому не доставят особого удовольствия. – Хорошо, что вы все пришли.

– Так явка ж обязательна, – мрачно напомнил кто-то с задних рядов.

– Несомненно, вы все сейчас в большом потрясении. И это понятно: вас ведь попросили освободить свои дома. Поверьте, мы не пошли бы на это, если бы не военная необходимость. Мы должны подготовиться к возможному вторжению, а ваш ландшафт подходит как нельзя лучше. За деревней – крутые скалы. Строения, в которых мы мысленно разместим немецких солдат. Мы побывали в нескольких селениях, и ваше показалось нам самым удачным вариантом. Всего восемь семей переселить придется, да и рыболовство под запретом, так что работы тут все равно нет.

– И что вы будете с нами делать?! – проревел голос с задних рядов.

Офицер прочистил горло и ответил:

– Мы попросим перебраться к родственникам тех, у кого есть такая возможность. Остальных временно расселим по муниципальным домам в этом же районе.

– А что станет с мистером Беннингтоном из поместья Грейндж? – спросил Берт Тэтчер. – Вы что, и его хотите в муниципальное жилье упечь?

– Уверен, семье мистера Беннингтона будут предложены хорошие условия, – сообщил офицер. – И, разумеется, вы все получите компенсацию за потерянный урожай.

– То есть? Вы нам заплатите за то, что растет в наших садах?

– Так точно.

– А за переселение компенсация будет? – спросила, поднявшись с места, молодая румяная женщина со свежей химзавивкой. – Меня зовут Салли Пёрвис. Я тут родилась и живу всю жизнь. А мой Уильям не покладая рук трудится на торговом корабле – каждый день жизнью рискует. Мы столько сил в наш дом вложили! Уильям сколотил на кухне такие красивые полочки! И сам сделал шкафчик дочке в комнату. И что же теперь, у нас это всё отнимут?

– Боюсь, за сам переезд компенсации не предусмотрено, ведь по закону ваши дома принадлежат мистеру Беннингтону. А вы просто их арендуете. Но, само собой, вы можете вывезти мебель. Армия одолжит вам грузовые машины – и совершенно бесплатно.

– Какое великодушие! – мрачно съязвил кто-то.

Берт Тэтчер вскочил.

– Хотите сказать, наше слово тут ничего не значит? Неужели нам даже обратиться не к кому? Все равно выселят, хотим мы этого или нет. Так, что ли?

– Боюсь, вы совершенно правы.

– А если мы не уедем? – Берт скрестил на груди мускулистые руки. – Если откажемся подчиняться?

– Тогда, к сожалению, нам придется выселить вас силой, без возможности забрать личные вещи. Вы ведь не хотите такого исхода, верно? – Он выдержал паузу и посмотрел на второго офицера, точно ища у него поддержки. – Поймите, в военное время армии Его Величества передается власть над гражданской собственностью. Мы реквизировали множество богатых домов по всей стране. Их жителям тоже пришлось уехать, как это ни горько.

– А что будет после войны? – спросила Бетти Дженкинс, встав со своего места. – Когда все закончится. Мы сможем вернуться в свои дома?

– Это решится позже, – уклончиво ответил офицер. – Понадеемся, что победа скоро будет нашей и все заживут прежней жизнью.

Он знал правду, но не стал говорить, что во время учений будут использовать настоящие боеприпасы. Что от деревни почти ничего не останется.

Глава первая

Лондон, октябрь 1968

Первое слово, которое проронила Лиз Хоутон, выскочив за вращающиеся двери здания, где располагалась редакция «Дейли экспресс», на улицу, залитую ярким солнечным светом, было не вполне приличным. Она спохватилась и огляделась – кажется, никто ее не слышал. Лиз воспитывалась в семье, где ругательства были под запретом, и ее матери мгновенно поплохело бы, стань она свидетельницей этой сцены. Но момент, как казалось Лиз, сполна ее оправдывал: других слов просто не нашлось. Сердце у нее в груди колотилось быстро-быстро. Щеки раскраснелись, а сцена, в которой ей только что пришлось поучаствовать, снова и снова разыгрывалась в памяти. Самодовольная ухмылка мисс Найт, вставшей у Лиз на пути, когда та выходила из женского туалета, ее невинное, коровье лицо, пронзительный взгляд…

– Хочу с вами поговорить, мисс Хоутон. О мистере Грине.

– О мистере Грине? А в чем дело? – спросила Лиз, стараясь сохранять невозмутимость.

– Я заметила, что в последнее время вы очень… сдружились.

Лиз почувствовала, как краснеет.

– Пару раз в бар вместе ходили, не больше.

– В бар… – Мисс Найт расплылась в улыбке. Она возглавляла отдел машинописи и считала своим долгом замечать всё. – Я решила, что стоит обсудить это с вами. Ради вашего же блага. Пока вы слишком глубоко не увязли.

– В каком смысле? – спросила Лиз и услышала в собственном голосе резкость.

– Вы же знаете, что он женат?

Лиз отбросила на спину свои длинные волосы и дерзко взглянула на собеседницу. У нее возникло такое чувство, словно она вернулась в детство и затеяла спор с одной из своих учительниц.

– Разумеется. Вот только не понимаю, какое это имеет значение. И почему женатый мужчина не может выпить с коллегой? За обсуждением рабочих вопросов.

– Ах, рабочих!.. – Мисс Найт опять расплылась в снисходительной улыбке. Лиз ужасно захотелось отвесить ей оплеуху.

– Мисс Найт, чем ваши коллеги занимаются в свободное время – это их дело.

– Я полностью на вашей стороне, милая, – заверила ее мисс Найт. – Просто хотела вас предупредить. Увы, вы не первая девушка, которой он запудрил мозги. И, к вашему сведению, в итоге он всегда возвращается к жене. А вы для него только игрушки.

Сдерживаться становилось все труднее.

– Спасибо за заботу, мисс Найт, но я как-нибудь и сама справлюсь, – отчеканила Лиз. – А теперь будьте так любезны, дайте пройти. Мне пора. Я сегодня иду в театр.

Она скользнула мимо пожилой коллеги, пересекла коридор, спустилась по лестнице и выскочила на улицу. Предвечернее солнце светило ей в лицо. Лиз двинулась по Флит-стрит к улице Стрэнд.

«Где же крошка Люси?» – вопрошали новостные билборды, а торговцы газетами наперебой кричали: «Крошку Люси нашли? Читайте у нас последние новости! Покупайте “Ивнинг стандарт”».

Лиз не обращала на газетчиков никакого внимания. Она пробилась сквозь толпу (вечерний час пик был в самом разгаре) к станции метро, втиснулась в поезд, который шел по линии «Дистрикт», доехала до станции «Виктория». Путь от метро до ее квартирки в Фулеме был неблизким. Обычно она радовалась возможности немного прогуляться, полюбоваться Темзой,

но сегодня ей не терпелось поскорее попасть к себе в комнату, отгородиться стеной от внешнего мира.

– Как он посмел, черт возьми! – вслух возмутилась она. – Как посмел!

Она подошла к веренице террасных домов в викторианском стиле, нашла нужную дверь, поднялась на второй этаж, где располагалась ее квартира с эркером, смотревшим на тихую улочку. Если высунуться из окна ванной, можно было разглядеть между домами Темзу. Лиз въехала сюда год назад вместе с бывшей школьной подружкой. Она радовалась, что наконец сбежала из-под родительского надзора. Что у нее новая интересная работа, что жизнь бьет ключом. И твердо обещала себе больше не вспоминать об Эдмонде Харрингтоне.

Лиз повернула ключ в двери, вошла в квартиру, кинула в угол сумочку, сбросила туфли.

– Мариса, ты дома? – крикнула она.

– В спальне. Крашусь. У меня сегодня свидание с таким симпатягой!

Лиз заглянула в спальню. Мариса сидела за туалетным столиком и ловко приклеивала ресницы. Она обладала изумительной красотой. Ее отец, полицейский из лондонских кокни, познакомился с ее матерью на Мальте, куда его отправили в военные годы. Мариса унаследовала от мамы оливковую кожу, роскошные темные волосы и большие карие глаза. Когда она смеялась, а случалось это часто, в них плясали веселые искорки. Само собой, отбоя от поклонников у Марисы не было, и в ближайшее время остепениться она не планировала. Тихая, сдержанная Лиз со своим высоким ростом, стройной фигурой, пепельно-русыми волосами и голубыми глазами совсем на нее не походила.

Они подружились лет в тринадцать, когда обе поступили в престижную школу при одном лондонском монастыре. Марису взяли благодаря стипендии. Остальные ученицы посматривали на нее искоса из-за говора кокни, необычной внешности и острого ума. А вот на Лиз почти не обращали внимания, потому что она всегда была робкой тихоней-заучкой. Впрочем, некоторые девочки презирали ее, а успехи в истории и английском объясняли тем, что она якобы подлизывается к учителям. «Мы с тобой сплотились против целого мира», – любила говорить Мариса. Так и возник этот странный альянс.

После школы общение прервалось, но однажды девушки случайно столкнулись на улице Стрэнд, где Мариса арестовывала какого-то пьянчугу. Оказалось, что она пошла по стопам отца и поступила на службу в столичную полицию. С того дня дружба возобновилась, а когда обеим захотелось сбежать от удушливой родительской заботы, они вместе сняли квартиру.

– Ну как я тебе? – спросила Мариса и одарила подругу ослепительной улыбкой. – Ресницы – перебор или нет?

– По-моему, неплохо, – ответила Лиз. – Тебе всё к лицу.

Мариса уловила напряжение в ее голосе.

– Что с тобой?

Лиз рухнула на свою кровать.

– Помнишь Боба Грина? Парня, с которым я встречаюсь. Красавчика, который обожает книги и театр, любит долгие прогулки на природе и приглашал меня в свой загородный домик в Котсуолдсе?

– Да, и что? – Мариса встревоженно взглянула на Лиз.

– Он забыл кое-что уточнить, а именно: что, пока мы с ним мило проводим время в Котсуолдсе, его в Лондоне ждут жена и дети.

– Ах ты ж Казанова хренов, – ругнулась Мариса. Вот кого грубости ни капельки не смущали. – Какой мерзавец, а?! Ты ведь поверила, что вы с ним родственные души, открылась ему…

Лиз смахнула злые слезы и села на кровати.

– Мариса, что со мной не так? Почему мне вечно попадаются не те парни? Сперва Алистер – мягкий, услужливый, но такой зануда, что хоть вешайся. Потом Эдмонд – с ним все

сперва шло хорошо, я даже думала, что наконец встретила свою половинку, и всерьез ждала предложения, и тут ему предложили работу мечты в Австралии, а он возьми и согласись. Уехал, и с тех пор о нем ни слуху ни духу.

– Он ведь горный инженер, – напомнила Мариса. – Может, работает где-нибудь в глуши, а до ближайшей почты сотни миль.

– И что, он целый год там торчит? – с сомнением спросила Лиз. – Отправь он мне письмо верблюжьей почтой, этот несчастный верблюд давно бы уже доплелся! И даже если предположить, что до ближайшей почты нужно добираться ползком через пустыню, и то десять раз успел бы сделать! Нет, мне придется смириться с мыслью, что он никогда не относился ко мне так же серьезно, как я к нему. А теперь стоило мне только порадоваться, что я наконец встретила надежного, зрелого мужчину, как выяснилось, что он, черт возьми, женат! – Лиз схватила подушку в форме сердца и сердито швырнула ее в дальний угол комнаты. – Я проклята, не иначе! И обречена навеки остаться старой девой и прозябать в отделе некрологов!

Мариса встала из-за столика и села на кровать рядом с Лиз.

– Всё наладится. Вот увидишь. Это просто черная полоса! Тебе не повезло перейти дорогу начальству, а так бы твою статью признали бы материалом года! Ты бы прославилась на всю страну. – Она погладила Лиз по коленке. – Откуда тебе было знать, что этот чертов депутатишка – старый школьный дружок этого вашего Лорда-Как-Его-Там, который владеет газетой?

Лиз пожала плечами.

– Надо было сразу увольняться. Ссылка в отдел некрологов хуже смерти. – Она толкнула Марису локтем. – Знаешь что? Думаю, я правда уйду с работы. Видеть не могу Боба Грина, да и коровья рожа мисс Найт раздражает. Наверняка ведь меня возьмут в какую-нибудь другую газету, правда?

– Если только Лорд-Как-Его-Там не растрезвонил всем о тебе.

Лиз вздохнула.

– Это он мог, конечно. Злобный старикашка… Он мне угрожал, помнишь?

– Правда?

– Ага, говорил, что, если я опубликую статью в другой газете, он не поручится за мою безопасность. Иначе говоря, мое тело найдут где-нибудь посреди Темзы.

– Какие же мужики козлы, – процедила Мариса. – И почему именно им досталась вся власть? Кстати. – Она встала с кровати и подошла к окну. – Мне тут дали задание… Кажется, намечается кое-что интересненькое. Всяко лучше, чем дела о продолжительном домашнем насилии.

– Что за задание?

– Слышала, что недавно пропала маленькая девочка? Крошка Люси.

– Ну разумеется. О ней все билборды трубят.

– Кажется, появилась первая зацепка. Похожую девочку видели в Дорсете, на заднем сиденье черной машины. Очевидец сообщил, что она смотрела в окно и вид у нее был испуганный. Вот меня и командируют на Южное побережье. Посмотрим, сумею ли я что-нибудь выяснить.

– Самое главное, она жива! Это прекрасные новости, правда? – спросила Лиз. – Если бы похититель хотел ее убить, это бы наверняка уже случилось.

– Не исключено, – согласилась Мариса. – Конечно, искать Люси будет не проще, чем иголку в стоге сена, но на полицию сейчас очень давят. Людям кажется, что мы делаем недостаточно. В конце концов, как так вышло, что ребенок бесследно исчез средь бела дня из парка в центре Лондона?

– Так здорово, что это задание поручили именно тебе! Получается, ты у начальства на хорошем счету, раз тебе доверили такое важное дело!

Мариса пожала плечами.

– Думаю, вспомнили обо мне далеко не сразу. Кто-то в последний момент сообразил, что надо бы взять с собой женщину, чтобы было кому успокоить девочку, если ее найдут.

– Понятно… Значит, ты будешь работать в мужском коллективе?

– Со мной поедет коллега. Инспектор Джонс. И не то чтобы я от этого в восторге. Ему лет пятьдесят, а то и больше. Грузный такой, неприятный холостяк. За собой совсем не следит – ну, можешь себе представить. И женщин недолюбливает. Мы только сегодня с ним познакомились, но я сразу это поняла. Знаешь, что он сказал, едва я переступила порог? «О, чудесно, вот и помощь прибыла! Иди-ка завари мне чаю, золотце!»

– Вот нахал! – Лиз сочувственно кивнула. – Они все такие, да? Мне тоже не раз доводилось встречать мужиков, которые смотрели на меня свысока и ни во что не ставили, только потому что носят брюки.

– Надеюсь, скоро все изменится! Мужчины вводят моду на длинные волосы и цветастую одежду, – хихикая, отметила Мариса. – Но вряд ли инспектор Джонс поддержит эту тенденцию. Он до последнего не хотел работать со мной в паре, согласился, только когда понял, что у него нет выбора. Чую, поездочка предстоит веселая.

– А когда ты уезжаешь?

– Завтра утром. В девять отходит поезд до Уэймута, – проговорила Мариса и вскочила. – Поэтому сегодня у меня свидание. Кто знает, когда еще получится сходить!

– С Десом?

– О нет, с Десом покончено. Слишком он скучный. Весь вечер болтал про гоночные машины. А сегодня я иду с коллегой – он тоже полицейский, но в штатском. Его зовут Ронни. Он высокий, симпатичный и из Восточного Лондона, как я. Так что у нас есть общие темы для разговора.

– Повеселись от души, – посоветовала Лиз. – Если у нас еще осталась та бутылка водки, не удивляйся, если придешь и застанешь меня в отключке.

Улыбка на губах Марисы померкла.

– У тебя же нет никаких глупостей на уме?

– Кроме распития водки? – с улыбкой уточнила Лиз. – Не волнуйся, когда ты вернешься, в ванной тебя не будет поджидать мой труп. Ей-богу, ни один мужчина этого не заслуживает.

– Я могу позвонить Ронни и отменить нашу встречу, если хочешь, – упрямствовала Мариса. В ее глазах читалась тревога.

– Не валяй дурака. Иди. Иди и повеселись. Кто-то же должен! – Лиз игриво толкнула подругу. Потом улеглась на кровать. «Хорошо, что я вовремя сбежала», – твердо сказала она себе. Наверняка они с Бобом переспали бы в его загородном домике. Он казался ей таким обходительным, чутким, интеллигентным, спокойным. Ей нравилось, что он немного старше. Рядом с ним она забывала о боли, которую причинил ей Эдмонд. Как она теперь будет общаться с Бобом? Если увидит его, вряд ли совладает с желанием объявить, какая же он тварь, а если не сдержится и все выскажет, кто-нибудь непременно услышит и разнесет по всей редакции: «Помните ту девчонку, которая перешла дорогу начальству и была сослана в отдел некрологов? Она, оказывается, встречается с Бобом Грином! И у них такой скандал случился!»

Лиз закрыла глаза и попыталась отрешиться от обиды и боли. Решено, завтра она напишет заявление об увольнении и начнет искать другую работу. Но что, если поиски не увенчаются успехом? Сбережений у нее нет, за квартиру платить нечем. Придется тогда съезжать, бросать Марису на произвол судьбы, возвращаться домой. Родители, конечно, обрадуются. Они ужасно расстроились, когда Лиз сообщила им, что переезжает в квартиру, которую станет снимать с подругой.

– Доченька, ты уверена, что это разумно? Лондон – большой город, мало ли на каких соседей там можно нарваться, – запричитала мать, схватив ее за руку. – Лиззи, не уезжай. Не бросай нас! Чем тебе дома не нравится? Мы же тут всё для тебя обустроили! У тебя есть все

что душе угодно! К тому же мы живем недалеко от метро, а не в глуши какой-нибудь! Да и в Лондон-то мы ради тебя переехали, чтобы ты в хорошей школе училась.

«Да, а потом не пустили в университет, – подумала она. – Хотя учителя говорили, что с моими успехами можно получить оксфордскую стипендию, что я могу освоить хорошую профессию».

Но нет, отец, узнав о ее планах, покачал головой и сказал: «Глупо тратить деньги на университет, Лиззи. Ты же девочка. Зачем тебе голову учебой забивать? Все равно потом, как и все, замуж выскочишь». Ей предложили пойти в секретарский колледж. «Хорошая секретарша никогда не будет сидеть без работы, Лиззи!» Вот только секретарша из нее получилась, мягко говоря, посредственная. После учебы Лиз устроилась в адвокатскую контору (где и познакомилась с обходительным Алистером, который так понравился ее родителям), но работа там стала для нее настоящей пыткой, и она перешла в редакцию «Дейли экспресс». Это место сулило большие перспективы, и вскоре Лиз сумела пробиться в новостной отдел. Там ей стали поручать распутывать одну непростую историю за другой, пока… Пока она не написала ту роковую статью, за которую ее сплавили в отдел некрологов.

От мысли о возвращении в родительский дом ей сделалось дурно. Мать всегда была излишне эмоциональна и навязчива, а с годами ее душевное здоровье стало стремительно ухудшаться, так что не трудно было представить, как она тут же начнет взволнованно хлопотать вокруг дочери, пытаясь удовлетворить разом все ее потребности. А папа примется утешать ее. «Да ты не переживай, Лиззи, скоро найдешь другую работу! – скажет он весело. – А пока поживешь у нас, в достатке и безопасности. И мама порадуется!»

Такова участь единственного ребенка в семье. Особенно если он появился на пороге старости родителей. Стал «поздним чудом», осветившим их жизни. Неудивительно, что они так пеклись о Лиз, так баловали, – в особенности мать. Но их назойливая, неусыпная опека оставляла на ней свой след. Отец не упускал возможности напомнить ей, как она потеряла кошелек, как села не на тот поезд, а он потом ее спасал. К этому добавилось и потрясение от расставания с Эдмондом. Оно сильно подточило уверенность Лиз в себе, внушило ей страх ошибки.

Как же она завидовала подруге! Семья Марисы жила в тесном домике на задворках Ист-Энда. У ее родителей было еще пятеро ребятишек помладше, а дом всегда полнился экзотичными, но аппетитными запахами. Мама Марисы любила петь и звонко смеялась, а когда Лиз приходила в гости, всегда радушно ее обнимала. В семейном гнездышке Марисы царили шум и хаос, и Лиз казалось, что это настоящий рай.

А теперь эта командировка. Наверное, Марисы не будет несколько дней. А то и дольше. Ей выпал шанс сделать по-настоящему важное дело. Если она найдет пропавшую девочку, то станет героиней. Ее, наверное, даже повысят по службе. А фотографии напечатают в газетах. А кроха наконец вернется домой.

«Вот бы и мне там оказаться… – подумала Лиз, еще не до конца понимая свою идею. – Вот бы и обо мне написали в газетах, и…» Она встрепенулась, ее вдруг охватили тревога и предвкушение. «Смогу ли я? Посмею ли?»

А потом ответила: «А что мне терять?»

Когда Мариса вернулась домой около одиннадцати, растрепанная, с поплывшим на долгом свидании макияжем, Лиз еще и не готовилась ко сну.

– Не спишь! – удивленно подметила Мариса. – Свидание прошло чудесно! Мы ходили в кино. Сидели на последнем ряду. Он великолепно целуется!

Лиз кивнула. А потом вдруг сказала:

– Послушай, мне тут пришла одна мысль. Я хочу отстоять свое доброе имя перед редакцией. Что, если я поеду с тобой в Дорсет? И помогу искать пропавшую девочку?

– Что? – Мариса взглянула на нее с сомнением и громко рассмеялась. – Лиз, это ведь полицейская командировка! Я не могу брать с собой подружек!

– Это понятно. А что, если все обставить так, будто мы с тобой встретились в Дорсете случайно? Ты познакомишь меня с этим своим инспектором Джонсом, скажешь, что я репортер из газеты и тоже участвую в поисках… и предложишь нам объединить усилия, чтобы успевать вдвое больше!

Мариса покачала головой.

– Ты не знаешь, что за человек этот инспектор Джонс. Он и с одной-то женщиной сработаться не может, а с двумя и вовсе с ума сойдет.

– Попытка не пытка, правда ведь? Я все решила. В газету я не вернусь, точнее в отдел некрологов. Позвоню в редакцию и скажу, что заболела. А ты дашь мне адрес, по которому тебя можно будет найти в Дорсете. Устрою нам встречу, а что выйдет дальше – увидим.

Мариса нахмурилась.

– Лиз, даже не знаю. У меня могут быть большие неприятности из-за тебя. Мы с инспектором и так не ладим, а тут еще это. Не надо.

– Как ты не понимаешь, Мариса, если я напишу статью… если помогу найти девочку, в редакции на меня снова посмотрят с уважением. Обещаю, я буду действовать осторожно, не стану болтать лишнего и вмешиваться в расследование. Я вам никак не помешаю, честное слово! Это мой шанс! Ты же не хочешь, чтобы я ушла с работы и вернулась домой к родителям?

Мариса замерла, стоя к ней вполоборота. Лиз поднялась с кровати, подошла ближе, осторожно коснулась плеча подруги.

– Мариса, ну пожалуйста. Помоги мне!

Мариса отвернулась, покачав головой:

– У тебя совсем крыша поехала, солнышко.

– Но ты ведь мне не откажешь, правда? Кто знает, а вдруг я чем-нибудь вам помогу!

Мариса пожала плечами.

– Кто я такая, чтобы помешать твоей поездке на Южное побережье. Но никаких адресов дать не могу. Я сама их не знаю. Мне сказали только про девятичасовой поезд до Уэймута. На станции нас должна встретить местная полиция. Повторяю, только не вмешивайся в нашу работу! Вообще никак. Это не шутки, Лиз. Вдруг ты спугнешь похитителя, которого мы ищем, и он убьет девочку…

– Не волнуйся, – твердо сказала Лиз. – Обещаю, что не стану мешать. А со слежкой помогу, если надо. Ты ведь помнишь, у меня к этому талант! Я же как-то разнюхала историю про депутата и проститутку.

– Ну да, а толку-то, – проворчала Мариса, расстегивая платье и сбрасывая его на пол.

Глава вторая

Больше в ту ночь они ни о чем не говорили. Лиз не спалось, тревожные мысли не давали ей покоя. Неужели она всерьез думает, что таким вот способом добьется своего? А вдруг из-за нее у Марисы будут неприятности? Лиз уже была близка к выводу, что ее замысел безрассуден, но внутренний голос тихо упрекнул ее в том, что она готова так быстро сдаться. «Трусиха, – сказал он. – Если хочешь всем доказать, что ты талантливая журналистка, надо рискнуть. Заодно уедешь подальше от Боба Грина и язвы мисс Найт. Даже если ничего не получится, у тебя появится время еще раз подумать обо всем». Так она говорила себе, а когда далекий шум города наконец смолк, забылась сном.

Проснулась она рано, побросала в небольшую дорожную сумку кое-какие вещи и туалетные принадлежности, выскользнула из дома, пока Мариса еще спала, и направилась прямиком на вокзал Ватерлоо. Там зашла в кафе, взяла кофе с булочкой. Потом нашла телефонную будку и позвонила в редакцию «Экспресс». Трубку взял Дик Хаскелл из отдела новостей. У него еще не закончилась ночная смена.

– Дик, сделаешь мне одолжение? – попросила Лиз. – Передай коллегам, что я заболела. Желудочным гриппом.

– Почему бы тебе самой не перезвонить попозже, когда все придут на работу?

– Да мне не до того.

Повисла пауза, а после Дик спросил:

– Хоутон, что ты такое задумала?

– Ничего. Говорю же, желудочный грипп подхватила. Болезнь не из приятных. Подробности лучше опустить.

– Ладненько. Передам новость в отдел некрологов. Он без тебя, конечно, развалится, – пошутил Дик и, посмеиваясь, положил трубку.

Лиз еще немного выждала и вскоре увидела, что по вокзалу спешит Мариса в обществе лысоватого толстячка в коричневом макинтоше – и почему все полицейские в штатском выбирают именно такие? Мариса надела темно-синюю юбку в складку и замшевую курточку, а еще новенькие белые сапожки. Красотка, впрочем как и всегда. Только взгляд не особо радостный. Она украдкой смотрела по сторонам, пыталась найти Лиз.

Лиз тенью скользнула к платформе. Подруга так ее и не заметила. Эта часть плана Лиз даже нравилась, напоминала детскую игру. Игру, в которой ей отведена особая роль. Роль бесстрашного детектива. Она старалась не думать о том, что может допустить какую-нибудь дурацкую ошибку, из-за которой у Марисы возникнут огромные неприятности. А вместо этого представляла, что сумеет найти ребенка, о котором неделю трубят первые полосы всех газет.

«Что-что? Вы зовете меня на работу в “Сандей таймс”? Как мило с вашей стороны! Видите ли, я уже обещала “Гардиан”…»

Поезд нетерпеливо просигналил, и Лиз поспешила сесть в вагон. Марису она увидела только через три часа, когда они высадились. Вместе с ними в Уэймуте сошла лишь горстка пассажиров – в это время года мало кого прельщало Южное побережье. Лиз пропустила Марису и инспектора Джонса вперед, показала билет контролеру и остановилась, увидев, что навстречу лондонским детективам идет полицейский. Они обменялись несколькими фразами, которых Лиз не расслышала, после чего местный полицейский кивнул, а детективы пошли за ним. Лиз поспешила следом. У тротуара уже ждала полицейская машина. Мариса нарочито громко спросила:

– Скажите, а куда нас заселят?

– В гостиницу «У моря», на набережной. Там довольно уютно, да и гостей в это время года немного, – ответил полицейский.

Лиз улыбнулась и спросила дорогу до гостиницы «У моря». Стоило ей выйти со станции, и она сразу заметила чуть в стороне гавань, рыбацкие лодки и вереницу домиков пастельных оттенков. В солнечную погоду этот вид наверняка радовал глаз, но в тот день небо затянули темные тучи, грозясь излиться дождем, а со стороны Ла-Манша дул колючий, холодный ветер. Лиз получше закутала шею шарфом и направилась к морю. Поднялась по улице Кинг-стрит к эспланаде, а дальше вышла на песчаный пляж, который дугой огибал бухту. Гостиница «У моря» располагалась в одном из явно знававших лучшие времена георгианских домов, рядком стоявших вдоль пляжа. Их построили еще в ту пору, когда Уэймут считался модным курортом для викторианской буржуазии. А теперь несколько домов переделали в небольшие гостиницы с названиями вроде «У моря», «Чайки», «Прибой». Хозяйка удивилась и обрадовалась при виде Лиз:

– У нас в эти месяцы обычно нет никого! В конце октября мы вообще закрываемся. Я говорю мужу: давай в этот раз пораньше работу свернем, и тут на тебе: целых три новых гостя! Кроме вас, будет еще два человека. Они пока не заехали, но бронь подтвердили. Муж как пить дать скажет: «А я тебе говорил, рано закрываться!» – Хозяйка весело рассмеялась. – Я миссис Робинсон. А вас как зовут?

– Мисс Хоутон, – ответила Лиз, поборов искушение представиться вымышленным именем.

– Приятно познакомиться, милая. Вам одноместный номер? И надолго вы к нам?

Лиз сказала, что пока не знает, но примерно на неделю.

– Из самого Лондона приехали, да?

– Ага. Вырвалась на несколько дней отдохнуть.

– Ох, милая, я вас так понимаю. Меня в большой город ничем не заманишь! Там так шумно и суетливо! Это и для здоровья вредно! А вы там работаете?

– Да, – сказала Лиз. – В газете. Я журналистка. Работа очень напряженная.

– Ну еще бы, – миссис Робинсон выдержала паузу, обдумывая слова собеседницы. – А вы, случаем, не для того ли к нам приехали, чтобы написать статью? Не грянул ли в Уэймуте какой скандал? Неужели у нас под носом творится какая-то жуть, а мы и знать не знаем?

Лиз изобразила невинный смешок.

– Будь это так, я не смогла бы ответить вам честно, миссис Робинсон.

Хозяйка тоже рассмеялась.

– Да вряд ли у нас тут случится что-нибудь интересненькое. Обычно сюда съезжаются отдыхать только старые вояки – полковники в отставке, которые гуляют у воды, чтобы здоровьице поправить. Но в это время года нет и их. Почти все заведения закрыты. Как говорится, мертвый сезон.

– Тишина и покой – как раз то, что мне нужно, – сказала Лиз.

Миссис Робинсон кивнула.

– Гости, которые заедут чуть позже, тоже из Лондона. Некий мистер Джонс и мисс Янг. Не знаю, какие у них отношения – коллеги они или что посерьезнее. Сами понимаете, в наше-то время, когда идет столько разговоров о свободной любви и еще черт знает чем… – Она многозначительно улыбнулась. – Впрочем, в нашем деле важно не цепляться за предрассудки. На многое «закрывать глаза», как мой муженек говорит. Ладно, что тут гадать, вот приедут, и мы всё узнаем.

Она проводила Лиз до тесного одноместного номера с видом на пляж. В комнатке царила идеальная чистота, но обстановка оказалась спартанская: из мебели только умывальник, маленький комод с ящиками и несколько крючков с вешалками для одежды на стене. Еще кровать с розовым пуховым одеялом, а над ней – вышитая картина с надписью «В гостях хорошо, а дома лучше». И зеркало на дальней стене. Лиз подумала о том, что от убранства как-то не веет дружелюбием, хотя хозяевам наверняка этого бы хотелось, и невольно улыбнулась.

– Ванная в конце коридора, милая. Вода из колонки обычно ужасно горячая, так что поосторожнее с ней. Завтракать и ужинать у нас будете?

– Да, наверное. Спасибо.

– Ужин в семь. Всегда свежая, вкусная рыба. Надеюсь, вы любите рыбу?

– Да, люблю, – Лиз улыбнулась, хотя просто не могла дождаться, когда миссис Робинсон уйдет и оставит ее в покое.

– Ну вот и славно. Тогда пойду, примусь за дело поскорее, – подытожила миссис Робинсон, разгладив фартук, и ушла.

Оставшись одна, Лиз опустошила дорожную сумку, собранную впопыхах, и обнаружила, что не взяла запасные колготки и расческу. Придется прогуляться в город до ближайшего «Вулвортса». Она подошла к окну и выглянула наружу. Дождь не заставит себя долго ждать, это точно. Зря она макинтош с собой не прихватила. Впрочем, в том же «Вулвортсе» можно купить дешевенький дождевик. Она скользнула взглядом по ярким кабинкам, выстроившимся на песчаном пляже у изгиба гавани, по волноломам, залюбовалась нарядными викторианскими часами, установленными на берегу, и военным мемориалом.

Лиз замерла, задумчиво убрала волосы со лба. А не бывала ли она тут раньше? Вид показался смутно знакомым. После войны она с семьей не раз проводила каникулы в путешествиях по Англии и Уэльсу – тогда поездки за границу еще не успели войти в моду. Особенно ей запомнился город Торки. И Ньюки в Корнуолле. Кажется, они отдыхали и в Борнмуте? Ей тогда было лет пять, если не меньше, и пляжи, ведра, лопатки, рожки мороженого и ослики ее занимали куда больше географических названий. Вот только ее родители предпочитали останавливаться в отелях побогаче – с застекленными верандами, на которых приятно выпить чашечку кофе и почитать газету, прежде чем идти гулять по побережью. По меркам маленького ребенка, скукотища смертная. Лиз заметила в стороне несколько зданий побогаче, но ни одно из них ярких воспоминаний не пробудило. Она закутала голову шарфом и вышла на улицу.

Прикупив в «Вулвортсе» все необходимое, Лиз заглянула в маленькое кафе за сосиской в тесте и чашкой чая. Сосиска оказалась на вкус как опилки. Она пожалела, что не зашла в индийский ресторанчик, который заприметила по пути со станции. Но перспектива отведать свежей рыбки добавляла оптимизма. Дождь так и не начался, и Лиз решила немного прогуляться по городу – вдруг заметит маленькую девочку? Хотя такая вероятность ничтожно мала. Если похититель и привез Люси Фархэм сюда, вряд ли он станет разгуливать с ней у всех на глазах. В конце концов, фотографиями девочки пестрят страницы газет, да и по телевизору ее не раз показывали.

– Давай начистоту, Хоутон, – сказала Лиз самой себе. – Ты не знаешь, что делать. И как подступиться к поискам. Ты приехала только потому, что хотела сбежать от лондонской жизни.

Признавшись себе, что это действительно так, она вернулась в гостиницу, где забылась сладким дневным сном.

Глава третья

Разбудили ее голоса из коридора.

– Один может поселиться в номере с видом на море, а другой – в дальней комнате наверху, там спокойно и тихо, – говорила миссис Робинсон.

– Давайте я возьму дальнюю комнатку, если инспектор Джонс не против, – предложила Мариса. – Ему, наверное, тяжело будет все эти лестницы одолевать.

– Чертовски верно, – подхватил мужской голос. – Колени-то у меня уже не то что в молодости.

– Ах, так вы инспектор, да? Простите, я вас записала просто как «мистер Джонс».

– Ничего страшного. Нам не особо-то хочется трубить во все стороны, что мы из полиции.

– Справедливо! Не переживайте, я – могила, – заверила миссис Робинсон, и голоса стали удаляться. Лиз услышала, как хлопают двери. Ей не терпелось поскорее поболтать с Марисой, но она осталась в номере, вскипятила воду в электрическом чайнике, заварила себе чаю и стала готовиться к ужину. Услышав, что инспектор с Марисой идут в столовую, выждала, пока они там усядутся, и тоже спустилась. Из эркерного окна столовой открывался живописный вид на гавань. В комнате стояло пять маленьких столиков, застеленных кружевными скатертями и украшенных вазами с искусственными цветами. Мариса с инспектором Джонсоном сидели у самого окна. Лиз замешкалась, дожидаясь, пока они заметят ее.

Инспектор увидел ее первым.

– Ой, здрасьте, – сказал он. – Кажется, у нас намечается компания! А я-то думал, в это время года гостиница будет совершенно пустой. Присаживайтесь, мисс.

– Благодарю! – Лиз подошла к дальнему столику и вдруг воскликнула: – Погодите минутку, Мариса, это ты?!

– Боже мой! – отозвалась Мариса, старательно отыгрывая изумление. – Лиз Хоутон! Какими судьбами?!

– Леди, вы что, знакомы? – спросил Джонс.

– Не то слово! – подхватила Лиз. – В школе мы были лучшими подружками.

– Вы учились в одной школе? – Джонс покосился на Марису. В его взгляде читалось: «Она вроде и из высшего общества, но ты-то куда! Ты ведь из Ист-Энда!»

– Да. При монастыре Святой Урсулы, в Хайгейте.

– Там учатся одни снобки, – добавила Лиз. – И большинство грезит о том, чтобы поскорее выпуститься и отхватить себе богатенького муженька. А мы были белыми воронами, на том и сдружились. Меня считали странной, потому что мне нравилось учиться, – все думали, что я просто подлизываюсь к учителям, а Марису невзлюбили за то, что ее взяли по стипендии.

– Как вы там вообще оказались? – спросил у Марисы инспектор Джонс. – Вы же родом из Ист-Энда.

– Мама хотела, чтобы я получила хорошее католическое образование и не гуляла с мальчиками до восемнадцатилетия, – с улыбкой ответила Мариса.

– Зато потом ты с лихвой наверстала упущенное, – подметила Лиз, и все рассмеялись.

– Бери стул и садись к нам, – позвала Мариса. – Инспектор, вы не против?

– Пожалуй, нет, – неохотно ответил тот и, дождавшись, пока Лиз устроится, уточнил: – Что же вас сюда привело, мисс Хоутон?

– Работа, – коротко ответила Лиз. – Я журналистка из «Дейли экспресс». Мне поручили написать статью о малышке Люси Фархэм. Наше начальство разослало репортеров во все концы страны, чтобы они тоже участвовали в поисках. Вдруг кому-нибудь улыбнется удача! Это будет сенсация.

– В самом деле? – инспектор Джонс взглянул на нее с интересом. – И с чего вы взяли, что искать надо именно здесь?

– В редакцию поступают самые разные наводки… – начала Лиз, избегая взгляда Марисы.

– И кто же вам намекнул, что нужно ехать сюда? – с раздражением допытывался Джонс.

«Боже правый», – подумала Лиз в панике.

– Понятия не имею. Нам не раскрывают источники, но, кажется, информация поступила откуда-то с Южного побережья. Но это все равно что искать иголку в стоге сена, понимаете? Нам же почти ничего не известно. Ее могли украсть и родственники, и кто-то из друзей. Подробностей нам не сообщили – только то, что она играла с гувернанткой на площади неподалеку от дома в центре Лондона и спряталась где-то в кустах. А после гувернантка не смогла ее дозваться.

– Именно так, – подтвердил инспектор. – Нам и самим больше ничего не известно.

– А у вас уже есть какие-нибудь версии, инспектор? – спросила Лиз. – Вам наверняка не раз доводилось распутывать подобные дела.

Неожиданно для Лиз лицо Джонса помрачнело.

– Да, – сказал он, и девушки замолчали, дожидаясь продолжения. Инспектор глубоко вздохнул. – В военные годы, когда я только начинал служить в полиции, мне поручили похожее дело. Вернее, даже несколько. Троих девочек эвакуировали из Лондона в глубь страны. Тело одной нашли в лесу у железной дороги. А две другие просто исчезли. Бесследно. Время было военное, кругом стоял сущий хаос. Люди спасались от бомбежек, переезжали к родственникам, отправляли детей в эвакуацию. Так вышло и с этими бедняжками. Родители отправили их за город, не догадываясь о том, что больше уже своих чад никогда не увидят.

– Какой ужас, – прошептала Мариса. – А что говорят документы?

Инспектор Джонс вздохнул.

– Как я уже упоминал, кругом стоял хаос. Родители в панике прибегали на вокзалы и просто запихивали детей в поезда, повесив им бирки на шею. Если эвакуацию организовывала школа, то учеников сопровождали учителя и все приезжали в одно место, а вот если они путешествовали самостоятельно, то происходило все так: на станциях, где поезд делал остановку, дети сходили на платформу, местные выбирали тех, кто им нравился, и уводили с собой. И далеко не всегда велись какие-то записи – только если местные добровольцы отслеживали, кто и к кому заселился. А родителям в Лондоне оставалось только ждать письма с вестью о том, где же теперь их чадо.

В комнату вошла миссис Робинсон с подносом, и инспектор поднял на нее глаза.

– Сегодня у нас овощной суп! – объявила она и поставила перед каждым по тарелке.

Инспектор Джонс задумчиво вертел в руках ложку.

– Родители ждали вестей месяц, если не больше, и только потом шли в полицию и сообщали об исчезновении своего ребенка. Это особенно затрудняло поиски, – добавил он, когда Мариса и Лиз начали есть.

– Какой ужас, – прошептала Мариса. – Меня бы мама никуда одну не отпустила. А если пришлось бы эвакуироваться, отвезла бы меня в новый дом лично, а сперва тщательно там все проверила бы.

– В первые годы войны страну охватила паника, – пояснил инспектор и, отправив в рот ложку горячего супа, продолжил: – Когда начался блицкриг и еженощные бомбежки, люди думали лишь об одном: как бы спасти своих детей. Они были готовы на все, лишь бы вывезти их из Лондона, подальше, в сельскую местность. И верили, что поступают правильно.

– Неужели вам не удалось обнаружить никаких улик? – спросила Лиз. – Тех трех девочек отправили в один район? Или нет?

– Поезд, на котором они уехали, двигался на юго-запад от Лондона: он шел через Хэмпшир, Дорсет, Уилтшир. В глубь страны. Разумеется, никому не хотелось, чтобы их ребенок

оказался где-нибудь в прибрежных районах, ведь там в любой момент могло начаться вторжение. Кроху, которую мы нашли, звали Валери Хаммонд. Она должна была уехать в Дорсет вместе со школой. Вот только никто достоверно не знает, села ли она на поезд. Ее мама в тот день работала в раннюю смену и велела девочке одной идти на вокзал и разыскать своих. Но, как я уже говорил, там царил хаос: толпы детей, родителей, добровольцев… – продолжал инспектор. С его лица не сходило мрачное выражение.

– Просто кошмар, – подхватила Мариса.

– Да, я бы восьмилетнюю кроху в такой ад бы не пустил. Но семья жила неподалеку от вокзала, так что спокойствие матери можно понять. Вот только военная обстановка накладывает свой отпечаток.

– Вы нашли ее тело у железной дороги, так? – уточнила Мариса.

– Не мы. Местный фермер случайно на него наткнулся. А нас с коллегами отправили разбираться. – Джонс оторвал кусочек булочки и стал задумчиво гонять его по тарелке. – Ей-богу, до конца своих дней не забуду эту сцену. Девочка лежала на земле в тени маленькой рощицы, а вокруг цветы, цветы – и на голове венок. Словно сказочная принцесса, которая просто взяла и уснула.

– А на ее теле… ну… были следы насилия?

– Увы. Словами не описать, что мне хотелось сделать с мерзавцем, который ее тронул.

– Убийцу так и не нашли?

– Схватили. Взяли тепленьким на месте преступления, пока он девочке венок надевал. У него, так сказать, фляга посвистывала так, что хоть уши зажимай. – Инспектор ухмыльнулся своей сомнительной шутке. – Звали его Дэн Харкнесс. Он так ни в чем и не сознался, но и отрицать ничего не стал. Его отправили в психушку, решили, что суду он не подлежит. Мы думали, на этом в деле можно поставить точку. Но потом пришла новость об исчезновении другой девочки, Рози Бинкс. Это случилось ровно через год, при схожих обстоятельствах. Она тоже села в поезд до Дорсета, и больше ее никто не видел. А через год пропала еще одна девочка, Глория Кейн. Все они были примерно одного возраста.

– Значит, это дело рук серийного убийцы? – предположила Мариса. – Получается, парнишку со свистящей флягой пришлось отпустить?

Инспектор Джонс повозил ложкой в тарелке, не поднимая глаз на собеседниц.

– Да, ведь на момент исчезновения остальных двух девочек он был под медицинским надзором, а значит, не имел к случившемуся никакого отношения. В итоге парня передали под опеку его сестрам.

– А ехали они одним маршрутом? – уточнила Лиз, оторвав взгляд от тарелки.

– Примерно в одну сторону, но по разным дорогам.

– Это усложняет дело, верно? Куда понятнее было бы, если б убийца караулил своих юных жертв на определенной дороге.

– «Усложняет» – еще мягко сказано, – горько ответил инспектор. – Эта история задела меня за живое. Я тогда был совсем молодым. В полицию поступил в тридцать восьмом, а чуть позже меня перевели в уголовный розыск и сразу поручили такое непростое дело. Мне было совестно, что я не попал в армию. Хотелось помочь своей стране. Но полицейских освобождали от военной повинности, так что я безвылазно сидел в Лондоне и опознавал фрагменты тел, оставшихся после бомбежек. Другой работы почти не было. И тут – это расследование. Я так надеялся, что отыщу этих девочек, что это будет мой вклад, большой и значимый, – он выдержал паузу, шумно осушил ложку супа и продолжил. – Сперва казалось, что это одиночный случай, но, когда через год сообщили о новом исчезновении, мой тогдашний шеф решил, что надо разобраться в обстоятельствах пропажи обеих девочек, понять, есть ли между ними связь.

– А через год произошел еще один случай… – вставила Лиз. – Вас это, наверное, потрясло до глубины души.

Инспектор кивнул, отломил еще кусочек булочки, обмакнул в красновато-коричневую жижу и отправил в рот. Струйка супа сбежала по его подбородку, и он вытер ее носовым платком.

– Я ощущал такую беспомощность, – признался он. – И все думал: когда это кончится? Неужели девочки теперь будут пропадать каждый год?

– Шеф, а может, исчезновение Люси как-то связано с этими историями? – предположила Мариса. – Есть ли совпадения в деталях? Во времени года?

– Не думаю, – ответил инспектор, удивленный ее предположением. – Ну что вы! Двадцать с лишним лет прошло. Да и обстоятельства совершенно разные. Люси похитили из сада неподалеку от ее дома, посреди бела дня. Она исчезла в самом центре Лондона.

– И никто ничего не видел, – добавила Мариса. – Меня это больше всего удивляет. В Лондоне ведь полно любителей подсмотреть из-за штор, что творится на улице! Одни подглядывают от скуки, потому что не могут выйти из дома, но бывает ведь и такое, что человек оказался у окна случайно и стал свидетелем преступления! Но в этой истории вышло иначе.

– Вот-вот! А бывает еще, что очевидцем становится таксист, поджидающий пассажира у площади, или случайный прохожий, который задержался на автобусной остановке… но нет. Мы просили местных жителей сообщать нам любые сведения, но никто в полицию так и не обратился. Вот почему я упросил отправить меня на это задание. Все эти годы меня мучает чувство вины. Кажется, что это мой просчет, что я не сумел спасти бедных девочек. Мне бы очень хотелось все исправить. Найти Люси.

– Я охотно вам помогу, – пообещала Лиз.

Выражение лица инспектора вдруг изменилось. Он собрал остатки супа последним кусочком булочки. Кажется, только сейчас он вспомнил, что Лиз – не из его команды. Что она вообще не имеет отношения к полиции.

– Вы, главное, от работы нас не отвлекайте. Это будет самая большая помощь, – буркнул он. – Мне и одной дамочки в команде за глаза хватает. А две… это слишком. Сами понимаете, юная леди. Полицейская работа – дело такое. Нам тут чужаки не нужны.

– Простите, я просто подумала… – Лиз выдержала паузу и продолжила: – Две головы хорошо, а три – еще лучше! Я блестяще умею говорить с людьми. Это моя работа, – она заглянула инспектору в глаза. – И, конечно, мне хочется добыть сенсационный материал, но куда важнее для меня спасти жизнь маленькой девочки!

– Если она жива, – заметила Мариса. – Шансы невысоки, как мы знаем из других похожих историй.

– Тут важно понимать мотивы преступника, – откликнулся инспектор Джонс. – Он похитил девочку ради выкупа? Или мы имеем дело с маньяком, который охотится на детей? Или с обезумевшей женщиной, мечтающей о ребенке?

– Будем надеяться на третий вариант, – сказала Мариса. – Каков наш план, шеф?

– Как бы не вышло, что мы зря приехали, – подметил инспектор Джонс. – Нам сообщили, что девочку якобы заметили на заднем сиденье неизвестной машины. Женщина, позвонившая в полицию, отметила, что до этого видела в газете фото очень похожей девочки, но проследить за автомобилем не сумела, потому что ей надо было везти собственного ребенка к врачу – мол, тот не принимает, если пациенты опаздывают. Она попыталась запомнить номер машины, однако разглядела только первые две буквы. Автомобиль двигался быстро, к тому же дело было на извилистой дороге, обсаженной высокими кустами.

– А какой марки была машина? – спросила Мариса.

– Синий «моррис майнор». Местами грязноватый.

– Да половина машин в стране подходит под это описание, – поморщилась Мариса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.